

Вопросы методологии лингвистической семантики

О.А.Сулейманова

Abstract

The paper focuses on basic types of linguistic experiments: in linguistic typology, psycholinguistics, and semantics. They are distinguished according to the linguistic material, the final goal pursued by the researcher, their format, and expected results. The emphasis is on statistical (quantity) and quality, the role of introspection.

Ключевые слова: семантика типология психолингвистика эксперимент информант интроспекция

Key words: semantics, typology, psycholinguistics, experiment, informant, introspection

В разработке путей семантического анализа и в целом методологии лингвистического исследования проблема разработки и обоснования экспериментальной методики является одной из основных задач, для того, чтобы перевести лингвистическую науку в разряд точных. При этом первостепенную важность приобретает задача разработки системы верификации гипотез и создании хорошо обоснованной типологии экспериментов, их детального описания и – в силу того, что к настоящему моменту не до конца сложились традиции экспериментальной работы, в частности, в лингвистической семантике – необходимо остановиться на ряде релевантных сопутствующих представлений.

Лингвистика как экспериментальная наука. На настоящем этапе развития лингвистики в принципе сложились традиции экспериментальных исследований, что позволяет говорить о приближении лингвистики к точным наукам, а получаемые и экспериментально верифицируемые данные считать достоверными.

Исследователи, работающие в рамках различных парадигм, опираются на экспериментальные методики, однако не всегда эти методики эксплицированы, что может приводить к разногласиям в интерпретации результатов экспериментов, к сомнениям в валидности получаемых результатов и под.

В ряде случаев это обусловлено также и тем, что не до конца определены особенности различных видов лингвистического эксперимента. Приступая к экспериментальной работе, исследователи не всегда ясно различают – особенно на начальном этапе своего исследования, – в чем состоят особенности той или иной экспериментальной методики. Так, по-прежнему широко распространено представление о том, что семантический эксперимент представляет собой разновидность полевого, «регистрирующего» языковые факты; или схож с психолингвистическими экспериментами – соответственно и к результатам семантического эксперимента предъявляются требования, которым он по определению не должен соответствовать. Таким образом, возникает необходимость четко задать требования и критерии, которым, должны соответствовать психолингвистический, типологический и семантический эксперименты.

Типы лингвистических гипотез и особенности их верификации.

Как любая экспериментальная процедура, лингвистический эксперимент направлен в первую очередь на верификацию выстроенных исследователем гипотез (несмотря на то, что в ряде случаев он способствует обнаружению новых данных, о существовании которых исследователь не догадывался, основное назначение эксперимента состоит в направленной верификации – см. ниже). В связи с этим лингвисты задаются вопросом о природе гипотетического знания, или гипотезы. Согласно методологии науки, гипотеза, наряду с теорией, представляет форму **научного** (пусть и интуитивного) знания – гипотеза возникает на основе – пусть и

приблизительного - индуктивного обобщения имеющегося у исследователя эмпирического материала (это отличает ее от других форм знания – предположения, допущения и др.). Ср. высказанные требования к формулировке гипотез в статье А.Г. Сониной и К.С. Кардановой (параграф 1.2 и 1.3). Вместе с тем, между гипотезой и теорией существует принципиальная разница, переход гипотезы в ранг теории осуществляется именно на основе экспериментальной верификации выдвинутой гипотезы. Рассмотрим типы лингвистических гипотез, их когнитивный статус и способы верификации.

В работах О.Н.Селиверстовой предложено разграничивать три типа гипотез: гипотезы, не доказываемые в рамках самой лингвистики; гипотезы, для доказательства которых накоплен эмпирический материал и от исследователя требуется выстроить систему доказательств; и гипотезы, нуждающиеся в специально выстроенной ad hoc верификационной процедуре (Селиверстова 1980). Рассмотрим данные типы гипотез.

Гипотезы, не доказываемые в рамках лингвистики:

- к таким гипотезам относятся, например, представления о том, как «записаны» значения в языковом сознании – в виде образов / в вербальной форме, в виде совокупности признаков (по всей видимости, какая-то часть существует в когнитивном пространстве индивида в виде образов – ср. *не могу выразить / найти слово / нет, я не то хотел сказать*, где идет поиск вербального выражения для некоторого образа);

- представления о характере соотношения языка и мышления в целом: что первично, что вторично и под.; о природе внутренней речи. Например, каким образом происходит отождествление звонка телефона (свернутая речь?) – ответ на такие вопросы может дать совместное исследование таких процессов как лингвистами, так и нейрофизиологами. Неслучайно поэтому современная когнитивная

лингвистика (особенно в США) приходит к последовательному сотрудничеству с нейрофизиологией;

- как хранятся в сознании имена классов и конкретных объектов - *слон / слоны обитают на юге Азии = образ?, слон отказывался выходить на арену*) = конкретный объект?

- как записана синтаксическая область языкового кода – модели / структурные схемы предложения?

- генеративная гипотеза, согласно которой язык отождествляется с системой порождающих процессов (Н. Хомский), в рамках которой главной задачей лингвистики видится описание процесса порождения речи, включающее, в частности, описание психо-физиологических процессов, происходящих в говорящем / слушающем при осуществлении речевой деятельности; - до сих пор нет убедительных доказательств в пользу того, что порождение речи происходит именно так, как описано в данной теории.

Гипотезы, для доказательства которых в лингвистике накоплены данные, их нужно просто логически выстроить.

Ср. точку зрения Р.М.Фрумкиной, которая выделяет два основных способа проверки истинности научных утверждений (=гипотез), первый из которых представляет собой «проверку в соответствии с имеющимися ...аксиомами и правилами логического вывода ... в этом случае мы имеем дело с так называемыми доказательными рассуждениями» (Фрумкина 1972: 95). Такой тип доказательств распространен при доказательстве теорем в математике и логике, но он также «работает» и в лингвистике. Например, к гипотезам, требующим такого типа доказательства, относятся гипотезы, связанные с границами и сущностью языка. Так, под языком можно понимать и систему знаков, и всю совокупность явлений, составляющих речевую деятельность. Аргументы в пользу первого определения языка (как системы знаков): во-первых, в лингвистике (в отличие от логики) под языком обычно интуитивно понимается именно

система знаков; во-вторых, главным объектом исследования лингвистики естественно считать язык – исследование многих сторон речевой деятельности выходит за рамки лингвистики (Селиверстова 1980).

Можно привести примеры частных гипотез, для доказательства которых требуется рассуждение на основе хорошо изученных языковых фактов: например, вопрос о словообразовательном статусе слов типа *mother-in-law*, а именно, о том, считать ли его словом или словосочетанием, решается с учетом его «поведения» при образовании форм множественного числа и притяжательного падежа, дефисного написания и соответствия критерию идиоматичности. Ср. также вопрос о сущности явления конверсии с точки зрения того, считать ли ее способом словообразования или нет, с точки зрения диахронии не получает положительного решения, тогда как с точки зрения синхронии это способ словообразования, и все конверсивные пары находятся в отношениях словообразовательной производности (не будучи таковыми с точки зрения диахронии).

Гипотезы, высказанные лингвистом-исследователем, для верификации которых необходимо найти доказательства.

Рассмотрим примеры таких гипотез. Так, в работе (Сулейманова 1985), посвященной анализу семантики слова *весь*, была выдвинута гипотеза о том, что оно представляет свой денотат как определенный (признак +*определенность*), а также о том, что объект X участвует в событии в совокупности всех своих частей; причем презумпцией к его употреблению служит представление о том, что X мог бы участвовать и не всеми своими частями. Приведем аргумент в пользу сделанного утверждения – так, можно сказать *он выпил весь стакан молока* (а мог бы и не *весь*), *она посмотрела весь фильм* (а могла бы и не *весь*); но нельзя сказать **весь телевизор сломался* (невозможно такое положение дел, чтобы часть телевизора выполняла свою функцию и показывала, сохраняя свою идентичность, тогда как другая часть была

бы сломана – ср. *полтелевизора сломано и не показывает). Таким образом, частная гипотеза о значении слова *весь* (наличие признака, вносящего информацию об участии в событии в совокупности частей) получает доказательство (в значении слова содержатся и иные признаки, также не вполне очевидные без специального доказательства). При доказательстве таких гипотез критерием их «истинности» является степень соответствия исследуемой реальности, или – иначе – языковая реальность (Фрумкина 1972: 95).

Говоря об экспериментальной проверке гипотезы, исследователь часто имеет в виду именно третий тип, а получение доказательной базы переводит гипотезу в ранг теории.

Определение эксперимента. «В самом общем виде эксперимент можно определить как процедуру преднамеренного воспроизведения явления в таких условиях, которые позволяют обнаружить зависимость существования явления от тех или иных параметров. Эти параметры могут быть внешними по отношению к явлению, ...однако если можно логически обосновать существование однозначной связи между внешними условиями и внутренними свойствами явления, то в результате целенаправленного варьирования внешних условий можно проверить гипотезы о внутренних свойствах явления ...важнейшее условие применения эксперимента – воспроизводимость явления и возможность контролировать условия, от которых оно зависит. Воспроизводимость явления в зависимости от условий в свою очередь означает, что существуют определенные законы общего или частного характера, которым подчиняется существование явления. Эти законы и раскрываются с помощью эксперимента» (Селиверстова, Сулейманова 1988: 432). Даже если – на начальном этапе исследования – имеет место ненаправленное («слепое») варьирование, в принципе любой эксперимент – это не простое «коллекционирование данных», не существует этапа дотеоретического сбора, «эффективный сбор материала – это не наблюдение за поведением говорящих со стороны, а прежде всего

целенаправленный «эксперимент на прочность» теории и наших гипотез о структуре языка» (Кибрик 2001: 41). Иначе - любая экспериментальная методика (в семантике, типологии) основана на некоторых теоретических построениях, верифицируемых в ходе эксперимента.

Ключевую особенность эксперимента в лингвистической науке, работающей, по известному определению А.Ф.Лосева, «в системе качественных полаганий», составляет то, что в качестве «прибора», регистрирующего явление, выступает человек – носитель языка. Это приводит к тому, что результаты лингвистического эксперимента в науке, где не до конца сложились традиции экспериментальной работы, могут вызывать недоверие. Такое отсутствие полной экспликации эксперимента (ср. до сих пор служащее образцом экспериментальное исследование семантических отношений в группе слов-цветообозначений (Фрумкина, Михеев, Терехина 1982), равно как и неразличение его типов заставляют предпринять попытку описать типологию экспериментальных процедур.

Основные виды лингвистических экспериментов.

Виды экспериментов, при определенных общих принципах, различны по своим исходным познавательным установкам, задачам, формате проведения и прогнозируемым результатам – т.е., по ряду ключевых параметров. Наличие серьезных различий по обозначенным параметрам позволяет заключить (см.ниже), что лингвистический семантический эксперимент имеет мало общего с лингвистическим экспериментом, применяемым в психолингвистике, в лингвистической типологии, где также сложились свои традиции экспериментальной работы.

Первое различие касается характера исследуемого материала.

В типологических работах «изучаемый язык не является родным и на начальной стадии может быть вообще неизвестным» (Кибрик 2001:

39) для исследователя – для типологии важно введение в круг интересов новых языковых пространств с целью расширения доказательной типологической базы (там же С. 40); результаты типологических экспериментальных исследований в первую очередь ориентированы на лингвиста, не знающего данный язык. Иными словами, типолог ставит задачу накопления корпуса лингвистических данных, на основе которых далее строится описание (лексико-) грамматической и фонетической системы исследуемого языка и выявляется системно закодированный языковой код.

Для семантики, напротив, важно исследовать языковую систему либо родного, либо хорошо изученного иностранного языка, результаты полученных детализированных описаний ориентированы на широкое практическое применение как в преподавании (практического) иностранного языка, так и на лексикографическое использование. Таким образом, специалист по семантике строит описание семантики на основе уже обычно хорошо грамматически (морфологически и синтаксически) описанной единицы.

В психолингвистическом эксперименте исследование может строиться на материале как родного, так и неродного языка, необходимым условием является хорошее знание этого языка (что сближает его с семантическим экспериментом).

Цель описания. В семантическом эксперименте ставится задача получения в конечном итоге адекватного описания семантики языковой единицы.

При проведении психолингвистического (ассоциативного, направленного ассоциативного эксперимента (Фрумкина, Михеев, Терехина 1982), многофакторного шкалирования, анкетирования, составление денотатной цепочки, классификационного (Маслова 1981) и др.) эксперимента ставится задача выяснить, как организованы, структурированы те или иные ментальные сущности – структуры (языкового) знания (представленные как правило языковыми

единицами) в сознании индивида (носителя языка) и общества, насколько тесна / опосредована связь между ними и под. (Не исследуется семантика языковой единицы – то, что дано нам в индивидуальном и совокупном языковом опыте, то, что можно «наблюдать» при их употреблении – напротив, исследуется то, как взаимодействуют единицы в языковом сознании, т.е. то, что не поддается никакому наблюдению, и потому чрезвычайно сложно для выявления и описания.) Так, в экспериментальном исследовании имен цвета в известной работе Р.М.Фрумкиной (Фрумкина, Михеев, Терехина 1982) на основе метода свободной классификации – как психолингвистического метода изучения семантических отношений и выявления близости значений – устанавливается кластерная структура поля цветообозначений, устанавливается степень близости единиц-цветообозначений, их «родства». По сути, ассоциативный эксперимент не только и не столько обеспечивает данные о сочетаемости слов в предложении, сколько позволяет воссоздать более глубокие связи между словами и соответственно между явлениями объективной действительности (Соловьева 1988: 27).

Типологический эксперимент также не исследует языковую семантику – он направлен на изучение языковых структур различных уровней и ставит задачу получения описания языковой системы – на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Это может получить законченное выражение в практически направленных проектах – в виде описаний грамматик и основанных на них практических учебниках, фонетических систем и под.

Формат работы. Различие в целях и задачах исследования приводит к ряду различий в методике и формате работы с информантами (при безусловном сходстве) – так, в полевой лингвистике используется свойство информанта «бесконтрольно использовать язык в коммуникативных целях» (Кибрик 2001: 271) в естественно или искусственно заданной ситуации. При этом от него часто требуется

создать текст (по теме, картинке произвольной тематики) спонтанно, на основе ассоциаций и т.д. (там же С. 272-3). Для типологического эксперимента также важна спонтанность речи, естественное её производство.

В семантике ситуация создается искусственно – информант не использует язык спонтанно, от него требуется оценить созданный исследователем (или подобранный согласно заданным параметрам) текст, обычно равный предложению или несколько больше (в целях обеспечения более однозначного контекста) с точки зрения его соответствия представлениям информанта о языковой норме. Для семантического эксперимента, таким образом, не требуется быстрота реакции, важным скорее представляется продуманность оценки, предполагающая в том числе способность информанта осознанно относиться к своей речевой деятельности и умение вдумчиво оценивать предлагаемое речевое произведение. Для семантического эксперимента не требуется быстрота реакции – время оценивания предложений не ограничено.

При проведении ассоциативного эксперимента упор делается на спонтанную реакцию индивида (первое, что приходит в голову), при этом важна скорость реакции.

Количество информантов. В силу того, что (семантические) отношения недоступны непосредственному наблюдению, равно как и последующей верификации на основе языковых фактов, особую значимость приобретает статистический параметр эксперимента – величина выборки, поскольку только степень ее репрезентативности определяет в конечном итоге валидность результатов. Иными словами, в семантическом эксперименте, равно как и распространенном ассоциативном, где – не имея иного доступа в ментальные структуры, – исследователь опрашивает большое число респондентов, и именно статистика позволяет утверждать, что полученные результаты отражают представления не только данной конкретной группы

индивидов, но валидны и для (в идеале – всего) языкового сообщества (или для предполагаемой группы).

В силу различий типов лингвистического эксперимента различно и требуемое количество (а также качество) информантов. Так, для семантического эксперимента, по разным данным, достаточно опросить 12-15 информантов (Лич 1983) для того, чтобы результаты опроса можно было считать репрезентативными. С целью определения необходимого и достаточного количества информантов в работе (Сулейманова 1986) было проведено специальное исследование. Так, мы исходили из того, что каждая полученная от информанта оценка (представленная в цифровой форме - 1, 2, 3, 4) рассматривается, как это принято в математической статистике, оперирующей именно с величинами, репрезентирующими экспериментальные цифровые данные, как случайная величина. Всякая случайная величина представляет собой сочетание детерминированной, объективной составляющей (отражающей языковую систему в нашем случае) и субъективной (отражающей субъективный фактор – настроение информанта, его самочувствие и под.). Опытным путем была получена совокупность оценок, которая далее обрабатывалась по хорошо разработанным методикам и алгоритмам математической теории вероятностей. Было выяснено, что хорошие результаты, попадающие в т.н доверительный интервал, показаны уже на выборке в 25-40 событий (величину выборки составляет произведение числа опрошенных высказываний на число информантов), и увеличение числа опрошенных высказываний / информантов уже не меняет общую картину. Проведя ряд таких специальных опытных опросов, мы пришли к выводу, что в норме достаточно опросить 5-8 информантов, при условии, что опрашивается не менее 5 высказываний (с тем, чтобы величина выборки и составила величину в 25-40 событий).

Помимо аппарата математической статистики в пользу данных цифр свидетельствует и весь формат семантического эксперимента, а именно: как отмечал еще Л.В.Щерба построив некую отвлеченную

систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности - сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз, применяя это правило (Щерба 1974). Иными словами, выдвинув гипотезу и экспериментально ее проверив, исследователь может далее строить высказывания с учетом данной гипотезы, поверяя ее языковой практикой – оценивая (с опорой на свое языковое чувство) правильность или неправильность полученного высказывания (чего нельзя сделать, например, в психолингвистическом эксперименте, где непосредственно не наблюдаемы и не даны нам в чувственном опыте данные о том, как организованы языковые значения в сознании индивида).

Тем самым каждый раз имеет место верификация описания (что невозможно при ассоциативном эксперименте – при проведении ассоциативного эксперимента для многократной верификации требуется специальная постановка эксперимента, исследователю дана лишь своя интроспекция, которая при ассоциативном эксперименте несвободна от теоретических установок исследователя).

Интроспекция. При обсуждении экспериментальных лингвистических практик одним из спорных вопросов традиционно является вопрос о статусе интроспекции и о том, насколько ей можно доверять - ср., например, работу (Тимофеева 2010), где автор полагает, что «в когнитивной науке данные, полученные в результате интроспекции, не считаются надежным основанием», считая при этом более надежными бихевиористские методы (ссылаясь на работы Р.Гиббса) и далее симбиоз этих методов (с добавлением нейрофизиологии) (Тимофеева 2010: 46-47).

Как представляется, говоря об ограниченности описательной силы интроспекции, особенно при проведении семантического эксперимента, исследователи экстраполируют интроспекцию на два

различных явления, что и заставляет их делать выводы о ее бесперспективности как составляющей экспериментальной методики. Речь идет о том, что при семантическом исследовании действительно имеет место опора на интроспекцию в следующем случае – когда информанта просят оценить правильность или неправильность предлагаемого ему речевого произведения, он делает это с опорой на свою интроспекцию, которую в таком случае точнее назвать не интроспекцией, а языковым чувством как носителя языка. При этом ряд речевых произведений оценивается также самим экспериментатором, с опорой на его языковое чувство – т.е., сам экспериментатор также является информантом (как и любой другой носитель языка), оценивая не гипотезу(!), а высказывание с точки зрения его правильности / неправильности («так говорят» или «так не говорят»), и в таком случае приходится признать его безусловное право на интроспекцию. Сходным образом психолингвистический эксперимент опирается на ответы информанта, продуцируемые им с опорой на свое (языковое) чувство, на свою интроспекцию. Л.В.Щерба в свое время в сущности уже привел аргументы в пользу так понимаемой интроспекции, отмечая, что путем непосредственного самонаблюдения нельзя констатировать, например, «значений» условной формы глагола в русском языке. Однако, экспериментируя, т.е. создавая разные примеры, ставя исследуемую форму в самые разнообразные условия и наблюдая получающиеся при этом «смыслы», можно сделать несомненные выводы об этих «значениях»... При таком понимании дела отпадают все те упреки в «субъективности» получаемых подобным методом лингвистических данных. С весьма распространенной боязнью, что при таком методе будет исследоваться «индивидуальная речевая система», а не языковая система, надо покончить раз навсегда - говорящий говорит не для себя, а для окружения» (Щерба 1974).

Однако не этот вид интроспекции вызывает сомнения у критиков - говоря о ненадежности интроспекции, они, по-видимому, имеют в виду

то, каким образом в семантике исследователь приходит к гипотезе. Здесь приходится признать, что в принципе этап выдвижения гипотезы в любой области науки основан в известной степени на субъективных представлениях (которые и призван снять последующий эксперимент – и здесь лингвистика не одинока), только в семантике эти субъективные представления касаются также и предмета исследования – язык. Любое гипотетическое представление интроспективно, однако экспериментальная проверка и позволяет снять связанную с ней интроспективность. Более того, противопоставление интроспекции и бихевиористских методик не носит абсолютного характера – в семантическом эксперименте (в частности, в его отечественной традиции, представленной работами Ю.Д.Апресяна, О.Н.Селиверстовой и мн.др) удачно соединены оба вида интроспекции, а также и бихевиористские методики (в частности, именно на основе анализа поведения языковой единицы формулируется, проверяется и далее уточняется в режиме нескольких итераций исходная гипотеза о значении языковой единицы). Мне не видится неразрешимого противоречия между ними, равно как и не видится ненадежности в опоре на интроспекцию.

Ср. мнение авторов статьи «Принципы организации психолингвистического эксперимента и обработки его результатов» в данном сборнике, которые также полагают, что «прямой путь к значению, к смыслу – это интроспекция».

Семантический эксперимент. Трудности в постановке семантического эксперимента (как и в целом лингвистического) обусловлены тем, что в качестве прибора выступает человек. Это не означает вместе с тем, что полученные данные субъективны – как отмечал еще Л.В.Щерба, два человека с одинаковым социальным прошлым...будучи поставлены в одинаковые условия деятельности и момента, возымеют одну и ту же мысль, в языковой системе мы имеем ...нечто единое и общеобязательное для всех членов данной

общественной группы. Ср. тж. его анализ того, «в каком отношении находится «психофизиологическая организация» владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе. Очевидно, что она является ее индивидуальным проявлением (Щерба 1974). Иными словами, основой методики можно признать принцип рекурсивности, известный в лингвистике еще со времен В. фон Гумбольдта, который отмечал, что «язык предполагает обращение к отличному от нас и понимающему нас существу» (Гумбольдт 1984: 63-64).

Теоретическое обоснование семантического эксперимента.

Теоретическое обоснование семантического эксперимента составляют следующие аргументы: во-первых, объективным основанием служит совпадение в принципе языковых кодов говорящих; именно совпадение кодов делает возможным понимание между людьми, говорящими на одном языке (несовпадение языковых кодов говорящих все же в принципе возможно и чаще всего обусловлено возрастными и социальными факторами – ср. язык различных социумов, поколений). Во-вторых, употребление языковой единицы не произвольно, но подчиняется определенным законам, не зависящим от говорящего.

По мнению Л.В.Щербы, эксперимент и основан на «оценочном чувстве правильности или неправильности того или иного речевого высказывания, его возможности или абсолютной невозможности...это чувство ... обосновано, являясь функцией языковой системы..., а потому и может служить для исследования этой последней ... мнение, будто при психолингвистическом анализе моделируется только индивидуальный язык испытуемого, неправомерно» (Щерба 1974: 61).

При этом можно утверждать, что полученные результаты отражают в целом языковую систему - самым сильным аргументом в пользу этого служит то, что пользуясь языковым кодом, говорящий и слушающий в норме понимают друг друга. В противном случае понимание было бы

невозможно, и само существование языка теряло бы смысл, поскольку не выполняло бы своей основной функции - коммуникативной. Более того, возможное возражение, состоящее в том, что «информант может наговорить всё что угодно», не имеет под собой оснований, поскольку от информанта требуется только оценить правильность или неправильность предложенной ему фразы, он должен только сказать «так говорят» или «так не говорят». Сходным образом, утверждение о том, что при семантических исследованиях «информанты всё описали», а роль исследователя минимальна, также не имеет оснований - информант это «прибор», работающий в системе количественных полаганий (часто практически в двоичной системе - + /-), в рамках заданной системы оценок (обычно от 1 до 4 / от 4 до 1). Даже если исследователь и получает комментарии информанта, который таким образом пытается вербализовать свое языковое чувство, эти комментарии получают объяснение после проведения исследования.)

Утверждать, что полученные от информанта оценки субъективны (читай - ненадежны), заставляет наличие наблюдаемых расхождений в оценках информантов. Действительно, даже в идеально поставленном эксперименте - см. примеры разработки таких экспериментов в (Селиверстова, Сулейманова 1988), а также психолингвистический эксперимент в (Фрумкина, Михеев, Терехина 1982) - оценки информантов (или в описываемом психолингвистическом эксперименте - создаваемые информантами классификации) могут несколько различаться в силу действия субъективных факторов. Это происходит потому, что говорящий руководствуется, с одной стороны, своим языковым чутьем (в значительной степени совпадающим с чутьем других носителей языка), а с другой стороны, на его ответ может повлиять обстановка эксперимента, его самочувствие, и прочие факторы - так называемые субъективные. Эти субъективные факторы представляют одну из причин, вызывающих недоверие к результатам эксперимента и

составляют одну из объективных трудностей в его проведении, с которой сталкивается исследователь.

При этом высказываемые мнения – например, в статье К.С. Кардановой и А.Г. Сониной, где в качестве примера приводится поведение молекул, – о том, что результатам эксперимента не всегда можно доверять, поскольку в его постановке так или иначе заложена известная искусственность в том смысле, что действия совершались в неестественной ситуации (что могло повлиять на ответ информанта), как представляется, не отражают специфику именно семантического эксперимента. Безусловно, в оценке информанта присутствует некоторая субъективность (она связана с действием случайных факторов – условиями постановки, состоянием информанта), однако в целом ответ информанта диктуется действием законов, системы языка, которая представляет собой такую же объективную данность, как и поведение молекул. Объективность в первую очередь и определяет возможность взаимопонимания носителей языка, речевые произведения оцениваются не только информантами, эти оценки всегда можно перепроверить на ответах других говорящих. Иными словами, специфика семантического эксперимента состоит в том, что полученные ответы, за вычетом случайного фактора, не искусственны.

Трудности в постановке эксперимента. Даже при условии, что эксперимент тщательно разработан и соблюдены все требования к его постановке, в результатах опроса неизбежно возникают расхождения между оценками информантов. Эти расхождения могут быть значимыми, а могут быть обусловлены случайными факторами.

Значимые расхождения могут быть связаны с некорректностью или погрешностью в постановке эксперимента. Так, исследователь может варьировать не один параметр (в этом случае результаты опроса могут не поддаваться разумной интерпретации), или же гипотеза о значении исследуемой единицы может быть сформулирована очень приблизительно, и из нее можно вывести более чем одно следствие, в

том числе и противоречащие друг другу (Селиверстова, Сулейманова 1988). Далее, значимые расхождения могут быть вызваны несовпадением языковых кодов говорящих, а также возможностью различного осмысления самой денотативной ситуации.

Рассмотренные значимые расхождения поддаются коррекции на стадии разработки эксперимента. Расхождения же в оценках, обусловленные случайными факторами, могут быть вызваны рядом причин:

- 1) психологические факторы – влияние окружающей обстановки (информант отвлекается), усталость, плохое самочувствие, иногда несерьезное отношение к эксперименту, влияние соседа и т.д.;
- 2) расхождения в оценках могут возникать по причине субъективности восприятия самой шкалы оценок различными информантами (при выборе шкалы оценок необходимо руководствоваться представлением о национально-культурной специфике системы оценки) (Сулейманова 1999: 9).

Методики выделения случайного фактора. Хотя расхождений, вызванных влиянием случайных факторов, невозможно избежать, существуют математико-статистические методы, позволяющие отделить фактор случайности от оценки, детерминированной структурой языка. Эти методы, в свою очередь, составляют неотъемлемую часть метода экспертных оценок.

Метод экспертных оценок в лингвистическом эксперименте основан на следующих представлениях. Так как оценка информантом степени правильности высказывания представляет собой результат взаимодействия детерминированных и случайных процессов, она – в полном соответствии с традиционной интерпретацией величин такого типа – является случайной величиной. Поскольку согласно требованиям проводимого лингвистического эксперимента эта случайная величина может принимать лишь целочисленные значения, например, на интервале [1; 5] (пятибалльная система оценок), ее

следует отнести к дискретному типу случайных величин, т.е. величин, все возможные значения которых принадлежат конечному или счетному множеству.

Дискретные случайные величины обычно обрабатываются при помощи методов математической статистики. Приведем хорошо известные числовые характеристики, которые оптимальным образом описывают распределение дискретных случайных величин:

1) математическое ожидание по каждому высказыванию, или среднее значение по распределению случайной величины, указывает на центр группировки значений и характеризует детерминированную составляющую случайной величины;

2) дисперсия, характеризующая рассеивание оценок относительно их среднего значения, и, таким образом, являющаяся численным выражением влияния случайных факторов; чем меньше дисперсия оценки, тем она надежнее (влияние фактора случайности меньше); оценки же с большей дисперсией являются менее достоверными (случайный фактор выражен сильнее); если дисперсия оценки высока, целесообразно проанализировать возможные причины, вызвавшие такую ситуацию.

Далее можно оценить каждого информанта с точки зрения его компетентности, определив его «вклад» в величину математического ожидания – чем ближе его оценка к величине ожидания, тем выше его компетентность. Степень компетентности информанта может быть выражена в виде коэффициента компетентности, который представляет собой нормированную величину, то есть сумма коэффициентов компетентности всей группы информантов должна быть равна 1 (в практике статистического анализа в подобных алгоритмах – за исключением специально оговоренных условий, когда за норму можно принимать другое числовое значение – за норму обычно принимают значение, равное 1).

Коэффициенты компетентности экспертов (информантов) можно вычислить и по апостериорным данным, то есть по результатам оценки

высказываний. Основной идеей этого вычисления является предположение о том, что компетентность информантов должна оцениваться по степени согласованности их оценок с групповой оценкой высказываний. Величина компетентности информанта будет хорошей, если она попадает в некоторый интервал, заданный исследователем в зависимости от количества информантов в группе. Информанты с таким значением компетентности рассматриваются как надежные – с ними можно работать дальше (Сулейманова, Фомина 2010: 84-89).

Не менее важной при работе с группой информантов представляется величина степени согласованности мнений информантов, или дисперсионный коэффициент конкордации. Величина коэффициента конкордации может изменяться в пределах от 0 до 1. При нулевом значении согласованности нет, то есть связь между оценками различных информантов отсутствует. При значении коэффициента, равном 1, наблюдается полная согласованность мнений информантов. Для того, чтобы считать оценки информантов в достаточной степени согласованными (=надежными, а их ответы – отражающими языковую систему), значение коэффициента должно быть больше заданного (нормативного) значения. При значении коэффициента, большем нормативного, оценки информантов в большей степени согласованы, чем не согласованы. В этом случае результаты опроса считаются валидными, а группа информантов – достоверной. Однако главное следствие такого результата состоит в том, что лингвистический эксперимент приходится признать успешным, экспериментальные процедуры – полностью соответствующими всем общепринятым требованиям к постановке эксперимента, а результаты эксперимента – валидными (подробнее о методах вычисления рассмотренных характеристик и коэффициентов см. (Сулейманова, Фомина 2010: 87-92)).

Итак, говоря об особой роли экспериментальной методики в лингвистике, можно выделить следующие значимые положения:

- получаемые от информантов цифровые данные в виде оценок объективны: оценивая высказывания, информант руководствуется определенными независимыми от него законами языка;
- результаты экспертного оценивания, имеющие цифровую форму, представляют собой распределение дискретных случайных величин, а, значит, могут подвергаться обработке при помощи математико-статистического аппарата; в результате применения математико-статистических методов и процедур можно получить математическое выражение степени согласованности мнений информантов и, как следствие, достоверности данных ими оценок; высокая степень согласованности оценок, в свою очередь, свидетельствует о надежности группы информантов и возможности работы с данной группой в дальнейшем. Ср. также математический аппарат, предложенный в статье К.С. Кардановой и А.Г. Сониной «Принципы организации психолингвистического эксперимента и обработки его результатов» в настоящем сборнике для определения возможных (случайных) искажений в экспертных оценках (эффект центральной тенденции, эффект ограничения спектра, эффект произвольности, эффект гало и др.), используемый в психолингвистических экспериментальных исследованиях.

Отношение к данным словарей.

Как представляется, вопрос о надежности данных, представленных в существующих толковых словарях, поставленный также в работах Л.В.Щербы (он полагал актуальной задачей создания адекватных языковой действительности словарей и грамматик, которую не приходится признать окончательно решенной), заслуживает специального рассмотрения, причем именно в связи с экспериментальной методикой. Прежде всего, как представляется, толкования, представленные в словарях, можно квалифицировать как данные одного (или небольшой группы), пусть и «высококачественного» информанта, как вербализацию его языкового

чувства, что понижает статус толкования. (Отметим особо, что примеры словоупотреблений, напротив, представляют высокую, хотя также не абсолютную степень надежности, поскольку многократны случаи оценки примеров как некорректных с точки зрения языковой нормы – однако все такие случаи поддаются интерпретации.) Более того, начиная исследование с анализа словарных толкований во всех без исключения случаях исследователь наталкивается на порочные круги в толкованиях, на трактовку одного из синонимов через другой (одно неизвестное через другое неизвестное), или же на полностью совпадающие определения. Иными словами, словарные данные могут служить источником примеров, могут натолкнуть на гипотезу, могут служить предварительным материалом для психолингвистического эксперимента (который далее и получает экспериментальную верификацию с тем, чтобы на выходе обозначить конкорданс или его отсутствие между словарными описаниями и экспериментальными данными). Как представляется, компонентный анализ, основанный всецело именно на анализе словарных описаний (которые, как легко показать, неточны), представляет собой скорее анализ того, как видит составитель словаря связи между единицами выбранной микросистемы, а не анализ значений языковых единиц. Например, не вполне убедительным представляется анализ на основе данных словарей синонимического ряда *насильственное вмешательство (агрессия, интервенция, вторжение, нападение)* – выводы представляются спорными (например, не приведены доказательства в пользу наличия – интуитивно неочевидного, выдвинутого в работе, но ни как не подтвержденного языковым материалом – семантического оттенка временной завершенности и протяженности действия в значении слова *интервенция*, нет аргументов против того, что оно отсутствует в значении слова *вторжение*) (Лебедева 1988, 69)

Словарные описания в психолингвистическом эксперименте также, как справедливо отмечает В.А. Маслова, представляют собой

«предварительный анализ семантической структуры исследуемых слов-коррелятов ... на основе толковых словарей» (Маслова 1981: 64).

Библиография

1. В.фон Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. М. 1984.
2. А.Е. Кибрик Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М. 2001.
3. С.В.Лебедева Два подхода к исследованию лексической синонимии // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988. С. 68-73.
4. Дж.Н. Лич К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.14. М., 1983. С. 108-132.
5. В.А.Маслова Ассоциативный эксперимент как один из методов исследования лексической антонимии // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 60-68.
6. О.Н.Селиверстова Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике. М. 1980. С. 262-318.
7. О.Н.Селиверстова, О.А.Сулейманова Эксперимент в семантике // Известия АН СССР Сер. Литературы и языка. Т.47. 1988. С.431-443.
8. Н.В.Соловьева Изучение ассоциативных полей ряда русских глаголов // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988. С.27-42.
9. О.А.Сулейманова Местоименные актуализаторы *весь* и *целый* в современном русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1985, №4. С.78-82.
10. О.А.Сулейманова К обоснованию экспериментальной методики в семантике // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. Калинин, 1986. С.142-151.
11. О.А.Сулейманова Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений. М. 1999.
12. О.А.Сулейманова, М.А.Фомина Принципы и методы семантических исследований. М. 2010.
13. М.К.Тимофеева Экспериментальные методы когнитивной лингвистики // Современные парадигмы языкознания. М. 2010. С.8-23.
14. М.Фрумкина Об отношениях между теорией, моделью и экспериментом в психолингвистических исследованиях // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации М. 1972. С. 92-99.
15. Р.М.Фрумкина, А.В.Михеев, А.В.Терехина Экспериментальное изучение семантических отношений в группе слов-цветообозначений. Институт русского языка АН СССР. М. 1982.
16. Л.В.Щерба О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л. 1974. С.304-312.